

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ®

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Кэтрин Манн
—
КУЛЬМИНАЦИЯ
СТРАСТИ

293

Содлазнь

H HARLEQUIN®

Соблазн – Harlequin

Кэтрин Манн

Кульминация страсти

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Манн К.

Кульминация страсти / К. Манн — «Центрполиграф»,
2018 — (Соблазн – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08396-8

Бродерик и Гленна — отпрыски конкурирующих семей, занимающие крупные должности в семейном бизнесе. Но на пороге внезапного объединения двух компаний им приходится начать работать вместе — а тут к этому примешивается еще и подброшенный младенец, и вопрос отцовства заставляет обоих героев переосмыслить свою жизнь...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08396-8

© Манн К., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Кэтрин Манн

Кульминация страсти

Catherine Mann
The baby Claim

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

© 2018 by Catherine Mann

© «Центрполиграф», 2019

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

Глава 1

– Такое ощущение, что ты существуешь специально для того, чтобы меня раздражать! Или для тебя это просто маленькое удовольствие в промежутках между свиданиями с одинокими красотками Аляски?

Гленна Миккелсон-Пауерс положила ладони на настольный планировщик, борясь с желанием гневно встать из-за стола навстречу Бродерику Стилу.

Он был невероятно привлекателен. Шерстяной плащ, наброшенный поверх костюма, явно был марки Hugo Boss, но ковбойская шляпа и кожаные ботинки создавали впечатление бывалости, которое только акцентировало его красоту. В темных волосах – он был на четверть эскимосом – начинала проглядывать преждевременная седина. Его сила характера и обаяние могли сравниться разве что с самой Аляской, которую они оба считали своим домом.

Казалось бы, в столь обширном штате им с Гленной должно было хватить места. По идее, они могли бы даже никогда не встретиться. Но постоянное соперничество их семей за контроль над нефтяными месторождениями региона заставляло их, увы, постоянно пересекаться.

Слишком часто, на ее вкус.

Но, несмотря на это, в их офис он раньше не заявлялся.

Гленна смерила Бродерика ледяным взглядом:

– У меня вообще-то есть ассистент, который должен был объявить о твоём визите. А еще можно было постучать. Хотя бы притворяться, что соблюдаешь общечеловеческие нормы вежливости.

– Во-первых, – он положил свою засыпанную снегом шляпу ей на стол, – я живу вовсе не для того, чтобы раздражать кого бы то ни было. А твоего ассистента не было на месте.

Гленна бросила взгляд в открытую дверь и убедилась, что он говорит правду. Но постучаться-то все равно можно!

– Во-вторых, – он по очереди снял кожаные перчатки, обнажив загрубелые руки. При всей физической крепости у него вдобавок был серьезный талант к финансам, и это приносило большую пользу бизнесу его семьи, – я слишком занят и у меня нет времени на свидания. И в-третьих, Гленна, я не понимаю, почему ты ведешь себя как пострадавшая сторона, хотя вообще-то это ко мне на стол сегодня утром упала бомба. – Он наклонился, и Гленна почувствовала запах его одеколona. – Впрочем, когда мы с этим разберемся, я готов вернуться к обсуждению темы свиданий. – Он лукаво улыбнулся.

– Ты ведешь себя крайне непрофессионально, – ответила Гленна, раздраженная его обычным ехидством.

Они поглядели друг другу в глаза, и воздух словно заискрился. Гленна прекрасно помнила, как это бывает, – из их бурной, но кратковременной интрижки в университете. Обреченной на неудачу с самого начала.

Но все равно она не могла об этом забыть.

Всего один уик-энд много лет назад. Два дня, наполненные страстью, в ее квартире в мансарде. Треск камина и стук снега по крыше. Пар, наполняющий душевую, где они вдвоем.

Но эти два дня, конечно, не шли ни в какое сравнение с ее любовью к мужу, который скончался после шести лет брака. Глубокая эмоциональная связь, уважение, которое они друг к другу испытывали. Те усилия, которые они вложили в то, чтобы преодолеть трудности.

И их общая скорбь из-за того, что они так и не смогли зачать ребенка.

Так что теперь работа стала для нее всем.

А Бродерик был ее главным соперником. Он добивался того, чтобы компания его семьи контролировала добычу нефти в регионе, – а она конечно же этого не допустит. Она – финансовый директор «Миккелсон ойл», и именно они победят в этом противостоянии.

Вне зависимости от того, насколько соблазнительным выглядит ее враг.

– В последний раз тебя спрашиваю, – она откинулась обратно на спинку кресла, – что ты здесь делаешь?

– А то ты сама не знаешь! – Он бросил массивный конверт поверх ее ежедневника. – Как, по-твоему, это называется?

– Почта? – Гленна не вполне понимала, к чему он клонит.

За последние годы в компании все перевернулось вверх дном. После смерти ее отца от сердечного приступа, два года назад. Сперва отец, потом муж... Но она не могла позволить себе тосковать. Ей нужно было спасти положение, иначе все пропало и они проиграют. Бродерику.

– Не хочешь рассказать подробнее?

– Это распечатка отчета о выкупе большого пакета акций. Выглядит как полный бред, но мои люди обнаружили, что источник этой сделки – твой офис.

Гленна достала из ящика стола конверт из темной бумаги и положила рядом с конвертом Бродерика:

– Правда? – Она постучала ручкой по конверту. – Тогда я должна спросить тебя про выкуп точно такого же пакета.

Он нахмурился и сел в одно из кожаных кресел возле ее стола.

– Наши компании обменялись пакетами акций? Ничего не понимаю.

Она резко устала на него палец с острым длинным ногтем.

– Твой отец что-то затевает, и я отнюдь не рада тому, что он так насекает на нас после смерти моего отца. Не надо думать, что, если компанией руководит женщина, у него больше шансов выиграть.

– Тебя чрезмерно волнуют взаимоотношения мужчин и женщин. – Он игриво наклонил голову и бросил многозначительный взгляд на желтый диван у себя за спиной.

– Заткнись и послушай меня! – вспыхнула Гленна.

– Я слушаю. И смотрю прямо на тебя. Ты очень мило покраснела. Кстати, моя мама говорила, что говорить людям «заткнись» – невежливо. – Он снова ехидно улыбнулся.

– Делать грязные намеки во время бизнес-встречи – вот что невежливо!

Гленна взяла в руки пресс-папье, сделанное из меди в форме медведя, и принялась переключать его из ладони в ладонь. Это ее успокаивало. Статуэтка раньше принадлежала ее отцу, и он говорил, что она придает ему сил. А силы Гленне сейчас бы не помешали.

– Я не собираюсь пополнять список тех, кто перед тобой стелется, – сказала она. – Так что изволь вести себя прилично.

– А я тебе и не предлагаю. – Бродерик наконец посерьезнел. – Но если ты, как и я, тоже ничего не понимаешь, предлагаю нам с тобой отправиться на прием к твоей матери.

– Безусловно. Чем быстрее с этим разберемся, тем лучше.

И тогда он наконец уберется из ее кабинета.

Бродерик, конечно, играл с огнем. Но Гленна запала ему в душу так, как ни одна другая женщина. Когда они учились в университете, он убедил себя, что все дело в «запретности» плода, в том, что они происходят из враждующих семей. Только он до сих пор о ней мечтал.

Поэтому обычно старался не приближаться к ней на пушечный выстрел.

– Мы можем пойти прямо сейчас? Мы должны знать, кто из вашего совета директоров или из нашего затеял эту игру.

Гленна подняла глаза цвета неба над Аляской после шторма.

– Конечно. Она сегодня в офисе, мы с ней утром уже встречались. Чем быстрее с этим разберемся, тем лучше. – Она кивнула и встала из-за стола.

Бродерик чуть язык не проглотил. Ее костюм был превосходно сшит и демонстрировал фигуру в самом выгодном свете. А вырез блузки чуть не свел его с ума, и он из вежливости – и инстинкта самосохранения – отвел глаза.

– После вас.

Идя вслед за ней, он обогнул лаунж-зону, где был тот самый диван и пара кресел у камина. Она оглянулась через плечо.

– Кабинет матери на два этажа выше. Думаю, все быстро прояснится.

Гленна повернулась и вышла из кабинета – ее каблуки утопали в ворсистом ковре. По одной стороне коридора шли сплошняком окна от пола до потолка, сквозь которые открывался чарующий вид на горы. Во всех остальных регионах США сейчас весна, но здесь все еще лежит снег.

Свет из окон заливал ее фигуру, и Бродерик, чтобы отвлечься от созерцания ее бедер и тупель на высоких каблуках, стал изучать картины на другой стене коридора. Его снова поразил контраст между офисом «Миккелсон ойл» и зданием их компании, находящейся в противоположной части бизнес-квартала Анкориджа. Офис компании Стилов был более современным, там все из стекла и хромированного металла, изящное и функциональное. А Миккелсоны тяготели к традиционной Аляске. Здесь все было уютным, но основательным: ковры из шкур, массивная деревянная мебель. Словно напоминание о том, что слабые на Аляске не выживают.

Конверт в руке Бродерика напомнил ему, зачем он вообще сюда явился. Интересно, что затевает его отец? Сегодня с утра он так и не смог его разыскать. Хотя, видит бог, очень старался.

В последнее время отец вел себя довольно отстраненно, и его было сложно разыскать. Это довольно нетипично для него – и вдобавок чертовски не вовремя. Сейчас идет конкурс на постройку трубопровода от Аляски в Северную и Южную Дакоту. И победить в этом тендере важно не только из-за денег или энергетической независимости. А еще и потому, что только местная компания, какой они как раз и являются, может разработать экологичный проект, который не позволит погубить природу в этом прекрасном месте, которое они все считают своим домом. Стиллы – династия инженеров родом с Аляски, и только они могут достойно справиться с этой задачей.

Бродерик знал, что все вокруг считают его бесчувственным мерзавцем, но ему было непонятно, зачем эмоционально вовлекаться во что-либо кроме работы. Что-то в нем переломилось после смерти сестры. И возможно, если бы мать осталась жива, она помогла бы ему выбраться из лабиринта неудачных отношений. Сейчас его личная жизнь состояла исключительно из женщин, которых интересовали встречи без обязательств.

Гленна часто с пафосом заявляла, что ее работа – все для нее. Он прекрасно это понимал. У него было точно так же.

Именно поэтому следовало как можно скорее разобраться с этой нелепой сделкой.

– Ты не похож на обыкновенных финансистов, – произнесла Гленна.

Он склонил голову набок.

– Я слишком прагматичный?

– Возможно. Ты... совершенно не вписываешься в рамки. Нелогичен. Непредсказуем. –

Она ускорила шаг.

– Ну, зато ты застегнута на все пуговицы, как и положено, – прокомментировал он. Внутри его начало разгораться возбуждение, когда он вспомнил, как расстегивал ее пуговицы, одну за одной.

Она словно прочла его мысли.

– Смотри под ноги, ковбой.

– Ты же не думаешь, что я принес с собой скрытую камеру, чтобы украсть секретные формулы? – Он поглядел ей прямо в глаза и тут же пожалел об этом. Их глубина заставила слова словно против воли выскочить из его рта. – Хотя от твоих секретов я бы не отказался.

Гленна вздохнула:

– Давай лучше останемся в строго деловых рамках. Хотя бы на ближайшие полчаса. Иначе нам придется продолжить этот разговор по видеоконференции.

Он кивнул и сделал шаг назад. Она была права насчет его непредсказуемости. Он планировал выжать из нее кое-что еще, но конечно же не сейчас. Главное – выбрать правильное время.

– Конечно.

– О, если бы я могла тебе верить, – тихо сказала Гленна, подошла к лифту и нажала кнопку.

Это его укололо. Неужели она настолько невысокого мнения о нем?

Гленна поправила заколку-невидимку, придерживавшую золотую волну ее волос. Ее розовый маникюр был еле заметен. Стильно. Минималистично. Как всегда.

– Ничего не могу поделать: меня беспокоит, что ты можешь увидеть здесь что-нибудь лишнее.

Двери лифта открылись, и она вошла внутрь. Лифт был полукруглой формы, и сквозь стеклянные стенки открывался восхитительный вид на залив.

– Не зря волнуешься. Знаешь, сейчас существуют такие копировальные устройства...

– Я заставлю охрану раздеть тебя догола и обыскать на выходе.

Бродерик сперва подумал, что это случайное совпадение, но она лукаво поглядела на него через плечо. Ему вдруг стало жарко, и он подошел к ней поближе.

– А ты сама будешь присутствовать? Я надел любимые трусы с персонажами комиксов.

Гленна иронично изогнула бровь.

– Не лсти себе. У меня есть дела поважнее.

– Мечтать не запретишь, миледи.

Гленна нахмурилась.

– Скажи, а ты со всеми коллегами так себя ведешь?

– Только с теми, с которыми у меня был роман. Ладно, на самом деле только с тобой. Со всеми остальными – строго в профессиональных рамках.

– Случайный секс между двумя студентами – не то же самое, что роман. – Гленна положила руки на бедра, что только подчеркивало ее фигуру в этом убийственном костюме, который ему хотелось с нее сорвать.

Бродерик клятвенным жестом прижал руку к груди.

– Ты поразила меня в самое сердце. С тех пор ни одна другая женщина не выдерживала стандарта.

Он что, действительно сказал это вслух? И даже почти искренне.

Тут, к его большой удаче, лифт остановился, а то бог знает чего он еще наговорит.

Но Гленна нажала кнопку, чтобы двери не открывались:

– Возможно, твой совет директоров тебе верит, но меня ты не заболтаешь.

Она права. Не стоит смешивать бизнес и эмоции. Но прямо сейчас они были в лифте, одни, и Бродерик не собирался упускать такую возможность. Он шагнул к ней, вдыхая ее запах.

– Но что, если я серьезно?

Гленна сглотнула.

– В этом случае мне очень жаль, что так вышло. Но я все равно не верю, что ни одна женщина со мной не сравнится. А теперь давай закончим этот разговор и пойдем к моей матери. – Она позволила дверям наконец открыться и первой шагнула наружу.

Они повернули за угол, где стоял стол секретарши, за которым никого не было.

– Не знаю, где Сейдж...

В этот момент Сейдж Хаммонд, двоюродная сестра Гленны, показалась из-за другого угла:

– Прошу прощения за свое отсутствие. У меня была встреча с твоим ассистентом, Гленна. Когда я уходила, Джинни говорила по телефону. – Сейдж поглядела на свой коммуникатор. – Но сейчас она, похоже, закончила. Так что вы можете пройти.

– Спасибо, мисс Хаммонд, – галантно поклонился Бродерик.

– Руки прочь от моей сестры! – прошипела Гленна, когда они немного отошли от стола. Ревность? Это интересно.

– Я не отрываю у бабочек крылья.

В глазах Гленны на мгновение появилось выражение, которое он не смог определить, а затем она повернулась и вошла в кабинет своей матери.

Здесь дух Миккелсонов чувствовался еще сильнее. Кабинет заполняли предметы антиквариата и вспышки зеленого света, отражавшиеся от стеклянных деталей обстановки. Еще больше света проникало в комнату через две стеклянные стены – это был угловой офис.

Но в кабинете никого не было.

– Мама? – Гленна огляделась. – Со мной Бродерик Стил. Случилось нечто неожиданное, что требует твоего внимания. – Гленна слегка растерянно посмотрела на Бродерика. – Она точно здесь. Вот ее сумка и пальто. Может, она отошла за кофе?

Или в ванной? Гленна неуверенно взглянула на дверь. Оттуда вдруг раздались приглушенные звуки. Из-под двери вдруг просочилась струйка пара. Тихий стон. Наслаждение от горячей воды? Или звук боли?

Бродерик ретировался в приемную.

– Я буду здесь. Проверь, все ли там в порядке. Если нужна будет помощь, зови.

– Спасибо. Мама? У тебя все в порядке? – Ответа не последовало. Гленна оглянулась на Бродерика. – Ненавижу вот так врывать, но если ей плохо или что-нибудь...

– Мне выйти?

Если мать Гленны больна, это могло бы объяснить странную сделку.

– Не стоит. Держись поблизости – вдруг придется звать Сейдж на помощь. – Гленна аккуратно постучала в дверь ванной. – Мама, это я. У тебя все хорошо?

Бродерик смотрел в пол, чтобы случайно не увидеть чего-нибудь слишком личного.

– Мама, я беспокоюсь. Извини, что врываюсь, но я должна знать, все ли в порядке. Я захожу.

Гленна повернула ручку, но дверь не открылась. Она покачала головой:

– Заперто. – Она постучала сильнее. – Мама, ты меня пугаешь. Открой. Или я сама открою запасным ключом.

Гленна достала из кармана ключ, отперла дверь и взвизгнула, затем зажала себе рот рукой. Бродерик подскочил к ней, готовый к самому худшему, и положил ладонь ей на спину, чтобы ее немного успокоить.

Гленна оперлась рукой о дверной косяк.

– Мама?

Бродерик моргнул. И еще раз. Но все равно не мог поверить своим глазам. И если Гленна была поражена, то сам он просто потерял дар речи.

Джинни Миккелсон стояла посреди заполненной паром ванной комнаты, обернутая в полотенце, но она была не одна. Бродерик не смог удержаться, чтобы не констатировать то, что и так было очевидно:

– Отец?..

Глава 2

Гленна мерила шагами приемную своей матери, не зная, как описать словами то, что она чувствует. Растерянность? Шок?

У ее матери роман с их главным бизнес-конкурентом.

Ну, с технической точки зрения, у Гленны он тоже был, но они с Бродериком тогда не занимали никаких должностей в их семейных компаниях и уж тем более их не возглавляли. И даже тогда она чувствовала себя ужасно виноватой за свое влечение к Бродерику. Как и сейчас.

Она посмотрела в другой конец приемной, где сидел сын... любовника ее матери. Бойфренда ее матери. Не важно. Безумие какое-то.

Бродерик, кстати, по-прежнему оставался чертовски привлекательным. Но теперь все стало еще сложнее, хотя и до этого было не то чтобы просто. Он сидел в кресле, нервно постукивая по полу ступней. Сейдж напряженно переводила взгляд с одного на другого, явно чувствуя какое-то напряжение, но ни о чем не спрашивала. Джинни Миккелсон наверняка неспроста взяла ее к себе в ассистентки.

Может, Сейдж уже и так в курсе происходящего? И про роман, и про сделку?

Если наружу просочились какие-то слухи, это могло бы объяснить странные флуктуации в цене акций – одни инвесторы распродавали свои пакеты, а другие, наоборот, начали их скупать.

Столько вопросов.

Например... Ну неужели нужно так много времени, чтобы одеться? Гленна поморщилась.

Наконец дверь кабинета распахнулась, и показалась Джинни Миккелсон собственной персоной. Следом за ней виднелся Джек Стил – высокий и угрожающий, сурово сощуривший зеленые глаза. Гленна не раз наблюдала это выражение лица на деловых встречах. Но сейчас все было иначе.

Она перевела взгляд на свою мать. Ее непросохшие волосы были собраны сзади, но в остальном по ее виду нельзя было бы угадать, что произошло. Она была столь же невозмутима и собрана, как и всегда.

Вместе со своим ныне покойным мужем она руководила корпорацией в течение многих лет и полностью взяла в свои руки бразды правления, когда первый инфаркт подкосил его здоровье. И продолжала вести дела с прежней скоростью, даже когда здоровье мужа стало серьезно ухудшаться. Когда второй инфаркт унес его жизнь, вся семья была вне себя от горя, но Джинни... Гленна только один раз видела, как она плачет.

Ее мать владела своими эмоциями как никто другой. Так что было неудивительно, что и сейчас ее выражение лица было абсолютно непроницаемым.

Дело было не в том, что она встречается с кем-то еще после смерти своего мужа. А в том, что она встречается с этим человеком.

Джек Стил выглядел как устаревшая версия своего старшего сына, разве что его волосы были гораздо сильнее тронуты сединой. По характеру же он был таким же, как и все трое его сыновей: решительный и отчаянный. И он был наполовину эскимосом. Гленна вспомнила заголовок в каком-то журнале: «СЕО в унтах».

Джинни кивнула своей ассистентке:

– Будь так добра, принимай все звонки сама и никого не впускай.

– Как скажешь, тетя Джинни, – сказала та, уже раскрыв ежедневник. – Я перенесу встречу в одиннадцать и попрошу Чака пообедать с твоим визитером.

Чак – или Чарльз Миккелсон III – был старшим сыном Джинни, вторым человеком в компании и будущим СЕО. Правда, Гленна сомневалась, что ее мать когда-либо отойдет от дел – та была полна энергии, несмотря на то что ей уже было за пятьдесят.

– Отлично. Спасибо, милая. – Джинни жестом поманила Гленну и Бродерика за собой и закрыла дверь кабинета на замок, чтобы исключить неожиданных гостей.

Гленна от волнения споткнулась, и Бродерик обнял ее за талию, чтобы поддержать, – и в этот момент она была ему даже благодарна.

Джек Стил многозначительно приподнял бровь.

– Давайте-ка все присядем.

Гленна сознательно сделала шаг прочь от Бродерика, все еще ощущая легкое покалывание от его прикосновения.

Глава корпорации Стилов придвинул одно зеленое кресло с невысокой спинкой ближе к другому, мягко коснулся руки Джинни, когда она занимала свое место, и указал глазами на зеленый же диван – словно Гленна и Бродерик были детьми, которых следовало поставить на место!

Бродерик уселся рядом с Гленной, но она понятия не имела, о чем он думает. Затем они случайно соприкоснулись коленями, и все мысли моментально улетучились из ее головы.

Да что вообще такое скрыто в этих Стилах?!

Ее мать с Джеком Стилом держались за руки, как подростки, – и это даже было мило, до определенной степени, но проблем не уменьшало.

– Мама, я понимаю, что это твое личное дело, но ты должна понимать, что, учитывая отношения наших семей, мы с Бродериком сейчас в очень неловком положении.

– Я понимаю, Гленна. Мы собирались в скором времени поговорить об этом со всеми.

Бродерик хлопнул себя по ноге папкой с документами.

– Поговорить о чем? О ваших отношениях? Или о чем-то... более связанном с бизнесом?

Джек нежно погладил большим пальцем запястье Джинни.

– Мы хотим вам сказать, что для нас это было такой же неожиданностью, как и для вас. Ничего не происходило, когда мы оба были в браке. Мы были очень счастливы с нашими партнерами.

Джинни наклонилась к Гленне и коснулась ее руки.

– Я глубоко любила твоего отца. И до сих пор люблю.

Джек откашлялся.

– Сын, ты понимаешь, как тяжело мне было после... смерти твоей матери...

Джинни оглянулась на него с нежной улыбкой и пожала его руку.

– В последнее время мы проводили много времени вместе – обсуждали экологические проблемы и экономику...

– Но наши компании конкурируют! – напомнила Гленна, все еще не понимая, к чему она клонит.

– Мы пожирали друг друга живьем. И вполне всерьез рисковали тем, что обе компании захватит «Джонсон ойл юнайтед». Их глава, Уорд Беналли, в последнее время вел себя подозрительно. И мы решили, что нужно встретиться и поговорить – ради того, что мы создали, и ради дорогого нам штата.

– Поговорить? Но вы явно не только разговаривали! – выпалила Гленна и поморщилась от собственного недостатка дипломатичности.

Ее мать, несмотря на это, фыркнула:

– Очевидно. Мы сами удивились. Хотя, конечно, не так сильно, как вы, когда открыли дверь. – Она посмотрела на вытянувшиеся лица Бродерика и Гленны и громко расхохоталась. Джек расхохотался следом за ней, и они обменялись понимающими взглядами, все еще держась за руки.

Как ни странно, это заставило Гленну почувствовать себя еще более неловко, чем тогда, когда эти двое стояли в полотенцах. То, что между ними происходило, явно не исчерпывалось

сексом – это были отношения, тот уровень близости, который был ей самой недоступен с того момента, как умер ее муж.

Конечно, она была замужем не так долго, как Джинни, но она хорошо понимала боль потери. И у нее даже не осталось ребенка, который ей бы о нем напоминал. Гленна аккуратно вытерла слезы, выступившие в уголках глаз.

Бродерик подался вперед и бросил папку на кофейный столик.

– Если вы закончили, позвольте мне вернуться к делу. Значит, слухи об объединении компаний – это вовсе не слухи? Вы планируете слияние корпораций и ожидаете от нас беспрекословной поддержки, даже не посоветовавшись с нами?

– Нет, – отрезал Джек.

– Конечно нет, – эхом повторила Джинни. – Мы просто не успели ввести вас в курс дела.

– Но мы планируем это сделать, – добавил Джек. – Очень скоро, сын.

Бродерик нахмурился.

– Только не говори, что ты собираешься собрать обе семьи в одном помещении.

– Нет конечно, – ответил его отец. – Мы же не сошли с ума.

Это хорошо. Гленне и без того было сложно сконцентрироваться в присутствии Бродерика.

– Мам, что именно вы собираетесь делать? – спросила она.

– Мы назначим два отдельных семейных собрания. – Она твердо посмотрела на дочь. – Чтобы у всех было время обдумать то, что мы хотим сказать.

– Но потом, – вступил Джек, и Гленна поморщилась от его менторского тона, – мы надемся, что все согласятся с нашим решением.

Бродерик тяжело вздохнул, откидываясь на спинку дивана.

– Отец, мне кажется, ты ожидаешь слишком много. – Он повернулся к Гленне: – Не знаю, как твоя семья, но мои братья и сестры будут рвать и метать, когда об этом услышат.

В этом Гленна была совершенно согласна с Бродериком. Когда ее родственники услышат о том, что им нужно отказаться от компании, построенной многолетним трудом, потому что Джинни и Джек попросту поговорили... «Рвать и метать» – это явно слишком мягкое описание их возможной реакции.

Бродерик не раз бывал в ресторанах во всех уголках земного шара; он любил вкусно поесть. Но ничто не могло сравниться с кухней в «Китс кодьяк кафе» – ресторанчике в маленьком городке неподалеку от Анкориджа. Это была закусочная самого простецкого типа, стоявшая на берегу залива, с видом на доки. За большими деревянными столами обычно собирались шумные компании – такие, как его семья.

Все раскрыли меню, но он точно знал, чего хочет, поэтому в него даже не заглянул. Он доверху налил кофе в кружку – энергия сейчас ему бы не повредила. Официантка быстро и деловито, но без угодливости приняла у них заказ – еще одна причина, по которой все они любили здесь бывать. Их, конечно же, здесь прекрасно знали, но им нравилось, что с ними обходятся как с обычными посетителями.

Бродерик и его братья и сестры бывали здесь еще с самого детства. Отец приводил их сюда по воскресеньям и еще иногда в будние дни перед школой, чтобы их мать могла поспать подольше. Тогда Бродерик не задумывался о том, что отец специально это делает, чтобы они не отрывались от корней, – водит их в самые обычные места, такие, где бывают обыкновенные люди и где по радио крутят кантри и прочее старье. Здесь пахло домашней едой и дымом из камина. В детстве Бродерик восхищался чучелом медведя и громкой музыкой и думал, что здешние повара готовят почти так же хорошо, как его мама. Впрочем, он все еще так считал.

В те времена они всегда заказывали одно и то же: колбасу из оленя, яичницу и огромные стопки блинов с сиропом из диких ягод. Но сейчас он предпочитал яичницу с лососем по-бенедиктински.

Отец всегда говорил, что у их матери самая сложная работа, – следить за всеми детьми семейства Стил, и перед каждым завтраком напоминал им, чтобы они слушались ее и своих учителей в школе. И если никаких серьезных проступков за последнее время не было, то брал их с собой на рыбалку. Бродерик казалось, что отец специально так поступал, чтобы научить их не ябедничать друг на друга, – и это сработало. Отношения в их семье были крепкими и дружескими. Но тем сложнее им было пережить потерю, когда и мать, и одна из сестер погибли в авиакатастрофе.

За столом было тесно, но все равно казалось, что без Бреанны остается пустое место. Они до сих пор иногда по привычке бронировали столик на шестерых. Впрочем, сегодня к ним присоединился дядя.

Дядя Конрад, младший брат Джека Стила, не принимал участия в создании компании. Он был на пятнадцать лет моложе Джека и пришел в «Стил индастриз» уже после того, как окончил университет. Сейчас он работал в отделении в Дакоте. Компания Стилов стартовала на Аляске и начала расширяться в сторону Северной и Южной Дакоты, а Миккелсоны двигались в противоположном направлении, и теперь одни пытались вытеснить других.

Он потянулся за кофейником, придвигая свой стул ближе к столу.

– А где Джек? Со вчерашнего утра, когда стали распространяться эти слухи, он как будто прячется. Довольно невежливо с его стороны. Маршалл, Бродерик? Вы что-нибудь знаете?

– Я сам только что прилетел, – прокомментировал Маршалл. Он, как пастух на ранчо, следил за тем, чтобы все было в порядке, в том числе облетал трубопроводы на гидросамолете, наблюдая, нет ли где аварии.

– Ну да. Я просто считал, что могу рассчитывать хотя бы на то, что он мне перезвонит, – сказал дядя Конрад, отхлебывая кофе. – Скажи, Бродерик, правда, что ты и Гленна Миккелсон застали Джека с...

Бродерик передернул плечами и сделал большой глоток кофе, а потом долил себе и поднял опустевший кофейник, и официантка, проходя мимо, выхватила его у него из руки.

– У меня даже слов нет, чтобы начать рассказывать. А ведь, заметьте, я видел это своими глазами. – Бродерик посмотрел на самую младшую из сестер.

– Да уж, это сложно осмыслить, – прокомментировала Делани, добавляя ложку ягод в овсянку.

Наоми, самая прямолинейная из всех, положила руки на стол:

– Скажи, он правда этим с ней занимался? С Джинни Миккелсон? В душе? Прямо у нее в офисе?

Бродерик подцепил вилкой кусок своей яичницы.

– Вы, похоже, вовсе не нуждаетесь в моем рассказе.

Наоми намазала масло на тост.

– Да что на него вообще нашло?

– О, я думаю, мы все прекрасно знаем, что на него нашло, – прокомментировал дядя Конрад. – Он, конечно, старше меня, но все-таки не мертвый. – Он многозначительно подвигал бровями.

– Фи. – Делани скривилась и отставила тарелку. – Я, вообще-то, тут пытаюсь поесть.

– И вы думаете, это все? – Наоми положила в кофе пару таблеток сахарозаменителя. – Роман с кем-то из Миккелсонов – запретный плод? – Она взглянула на Бродерика. – Хочу сказать, ну, у тебя тоже это было, и...

Бродерик сердито посмотрел на сестру и мысленно проклял себя за тот вечер, когда чересчур напился и ей об этом рассказал.

– Ладно, ладно, – поморщилась та. – Что вы все такие раздражительные?

– Мне удалось с ним поговорить по телефону, – сказала Делани, – и он, конечно, не рассказал никаких подробностей, но признался, что они влюблены друг в друга.

Раздалась серия пораженных вздохов.

– Бродерик, – наконец произнес дядя Конрад, – ты единственный, кто видел их вместе. Что скажешь?

– Скажу, что это вполне серьезно, – ни секунды не колеблясь, ответил он.

– А ты не считаешь, что это между ними уже давно? Очень давно? – Наоми пытливо посмотрела на него.

– Может быть, но они сказали, что чувства настигли их внезапно. И я предпочитаю им верить.

– И насколько серьезно это может быть? Дойдет ли дело до... свадьбы? И что тогда будет с компанией? – Маршалл в волнении запустил руку в волосы.

Делани снова размешала кашу и немного зачерпнула ложкой.

– Какие у них вообще планы? Они тебе рассказывали?

– Не вдаваясь в детали. Отец сказал, что все расскажет в то же самое время, когда Джинни будет разговаривать со своей семьей, но по отдельности, конечно.

Эйден добавил себе блинов с общей тарелки.

– Я все равно не понимаю, как это увязывается с тем фактом, что наши семьи много лет враждовали.

– Может, только главы семей? – негромко сказала Делани, но Бродерик покачал головой:

– Джинни Миккелсон руководила компанией наравне со своим мужем, а не как наша мать.

При упоминании матери над столом повисло мрачное молчание. Никто из них так и не смог смириться с потерей и матери, и сестры в страшной авиакатастрофе. Отец видел останки погибших, но дети нет. И сейчас все на какое-то время погрузились в воспоминания.

Наоми закончила с тостом и отхлебнула кофе.

– Может быть, на этом собрании мы и сможем до него это донести... Для бизнеса это не очень хорошо. Совет директоров просто сойдет с ума.

Бродерик поскреб подбородок.

– И что? Вы планируете сказать отцу, чтобы он с ней расстался ради благосклонности совета директоров? С нашим отцом такое точно не пройдет.

– Что там не пройдет с вашим отцом? – вдруг раздался знакомый громоподобный голос.

Джек Стил собственной персоной.

Глава 3

Бродерик отставил кружку, пытаясь подобрать слова, которые не вызвали бы мгновенной вспышки гнева. В их семье все были довольно вспыльчивы, а с тех пор как главные миротворцы – мать и Бреанна – покинули этот мир, только Делани время от времени пыталась всех примирить, но ей плохо это удавалось – силы были слишком неравны.

Но он был спасен от этой непосильной задачи дядей Конрадом, который встал и придвинул к столу еще один стул.

– Садись, Джек. Ты сегодня герой дня. Мы все как на иголках, жаждем услышать то, что ты собираешься нам рассказать. – Он хлопнул брата по спине.

– Спасибо, что согласились собраться так срочно. – Джек сел и помахал официантке: – Мне как обычно.

Он всегда заказывал вафли, уже много лет.

Быть старшим сыном Джека Стила было чертовски нелегко. Его репутация далеко простиралась в деловом мире, и нужно было соответствовать. Но Бродерик был готов лучше провалиться сквозь землю, чем просто стоять и смотреть, как компания летит в тартарары. Он знал, что и Тленна чувствует то же самое.

Хотя было довольно странно ощущать, что теперь они играют на одной половине поля.

Бродерик внимательно оглядел своего отца. Он, конечно, не собирается врываться в разговор необдуманно. Нужно правильно выбрать время и подобрать слова. Ставки слишком высоки. Судьба компании и его собственное место внутри ее зависят от точного расчета, а эмоции могут только все испортить.

Конрад снова занял свое место.

– Спасибо, что соизволил ради нас натянуть одежду, братишка. Ты можешь догадаться, что мы все несколько обеспокоены теми слухами, которые просочились наружу.

К черту выжидать. Бродерик увидел шанс перехватить контроль над разговором и собрался им воспользоваться.

– Мы все росли с идеей того, что Миккелсоны – враги. Я даже не смогу сосчитать, сколько раз я слышал, как ты проклинаешь их обоих на чем свет стоит – и Джинни, и Чарльза.

– Иногда все меняется, – без обиняков сказал Джек, наливая себе кофе. Это звучало как нечто очевидное и простое, как черный кофе без сахара, который он пил, сколько Бродерик себя помнил. – Я не обязан перед вами объясняться, но я скажу, что мы с Джинни любим друг друга и собираемся пожениться.

– Пожениться?! – не сдержался Эйден.

Все остальные сидели в гробовом молчании, глядя на Бродерика так, словно он это от них скрывал. Он покачал головой и потер пальцами лоб – у него начинала болеть голова. Этой ночью он почти не спал, размышляя о том, что теперь будет с компанией и насколько серьезны отношения его отца и Джинни Миккелсон. А еще перед его внутренним взором то и дело всплывала Тленна в этой узкой юбке.

– Да, пожениться, – отрезал Джек не предполагающим возражений тоном, как будто все они до сих пор были детьми. – И чем раньше, тем лучше, раз уж информация все равно вышла наружу. Вчера вечером мы с ней это детально обсуждали, и именно поэтому я не отвечал на ваши звонки.

Бродерик уцепился за главное в словах своего отца:

– Раньше?

– А какой смысл ждать, раз уж все всё равно знают? Мы планировали подготовить всех к этой новости, но вчерашнее происшествие несколько ускорило ход событий. Джинни прямо

сейчас беседует со своей семьей. – Он бросил взгляд на Бродерика. – Как ты, вероятно, уже знаешь из разговоров с Гленной.

Упоминание этого имени заставило некоторых за столом удивленно приподнять брови. Его братья и сестры искоса поглядывали на него; отец все-таки повернул беседу в нужное ему русло. Но Бродерик прекрасно знал эту отвлекающую тактику – еще в юности Джек преподавал ее каждому из своих детей. Так что он не позволит фокусу дискуссии сместиться.

Бродерик наклонился и положил руки на стол, добавляя веса словам.

– Давай не будем отклоняться от темы, отец. Если я правильно понимаю, мы собрались здесь для того, чтобы ты посвятил нас в свои планы помолвки с женщиной, которую, как мы считали, все – включая тебя – терпеть не можем.

– Не просто помолвки. Как я уже говорил, мы планируем пожениться, – сурово, как аляскинские морозы, сказал Джек Стил.

– Но период помолвки будет долгим? – с надеждой произнес Бродерик.

Пауза, возможно, заставит Джека изменить позицию. Может, его чувства охладят. Или он хотя бы увидит все безумие этой затеи и последствия, которые она влечет для их компании.

В глазах Джека появилось мягкое и сентиментальное выражение, которого Бродерик не видел со времен той самой авиакатастрофы.

– Нет, очень коротким.

– Насколько коротким? – вклинилась Наоми.

Джек подождал, пока официантка поставит перед ним тарелку и удалится, и лишь тогда ответил:

– Мы планируем пожениться в мой день рождения. Так я уж точно о нем не забуду. – Джек усмехнулся, явно очень довольный собой.

У Бродерика в буквальном смысле встали дыбом волосы на загривке.

– Но твой день рождения через...

– Две недели. – Джек коротко кивнул.

– Господи боже, – прошептала Наоми, и все остальные члены семьи почувствовали, как ее слова отдаются холодом у них глубоко внутри.

Бродерик ссутулился на своем стуле. Глубоко внутри его зарождался гнев. Ему пришлось расстаться с Гленной после самого запоминающегося переживания в его жизни – и все ради известной ему с детства мантры: семья превыше всего. И что же случилось с этим правилом сейчас?

Губы Бродерика были плотно сжаты: он не был уверен, что способен сдержаться и не наговорить чего-нибудь такого, о чем позже пожалеет. У его братьев и сестер не было этой проблемы, поэтому все наперебой что-то говорили, так что даже было сложно разобрать, кто и что именно сказал. Бродерик отбросил мысли о Гленне и вернулся к вопросу о семейной компании:

– А что насчет слухов о продаже акций? Отец, если вы встречались у нее в офисе, кто-то еще может об этом знать. И ты прекрасно понимаешь, как это сказывается на финансовом положении обеих компаний.

– Да, по этому поводу, – Джек Стил откусил небольшой кусочек вафли, – мы хотим вместе со всеми вами подготовить презентацию для совета директоров о слиянии обеих компаний.

Слиянии?

Обычные компании могут объединяться. Но это все равно что объединить порох и спички. Результаты будут разрушительными и уничтожат все, что они с таким трудом построили.

Бродерик подозревал что-то подобное еще с того момента, как узнал о продаже акций, и сейчас его гнев вырвался из-под контроля. Отец собирается уничтожить то, чему Бродерик посвятил всю свою взрослую жизнь, – и он не собирался с этим мириться.

– Слияние компаний? Серьезно? Ты не можешь ожидать, что мы... что я соглашусь пойти на это.

Джек Стил наклонился, чтобы оказаться лицом к лицу со своим сыном.

– Именно этого я и ожидаю. Не забывай, я по-прежнему основной акционер «Стил индастриз», а Джинни – основной акционер своей компании. Конечно, у совета директоров могут быть сомнения. Как и у тебя, и у Гленны. Но мы с Джинни все продумали. Настало время закончить эту вражду. Мы готовы сделать все ради этого. И ты можешь либо присоединиться, чтобы наша новая компания стала еще сильнее, либо продать свою долю, и я куплю ее у тебя по честной рыночной цене. Дело за тобой.

– Осторожнее, брат! – предостерегающе произнес Конрад, кладя руку Джеку на рукав. – Неужели ты собираешься отказаться от собственного сына? Своей плоти и крови?

Бродерик тоже было это интересно. Но если его отец ожидает, что он сдастся без боя, то очень глубоко ошибается.

Джек некоторое время молчал.

– Я ничего не сказал про «отказаться». Я сказал, что, если кто-то хочет выйти из доли, вы можете это сделать. Но я всегда рад видеть свою семью в своем доме.

Заговорил Маршалл.

– А наши должности? И наша земля, наше семейное наследие?

– Ты бежишь впереди паровоза, до этого мы еще дойдем, – произнес Джек, который вел себя слишком спокойно для человека, который только что перевернул весь их мир. – Реструктуризация откроет новые возможности.

Реструктуризация. Он сказал это таким обыкновенным тоном, словно сообщил, что на Аляске в это время года стоят морозы. Но Бродерик понимал, что то, о чем он говорит, породит полный хаос – и для Стилов, и для Миккелсонов, и с личной точки зрения, и с профессиональной.

– Отец, я много раз говорил то же самое сотрудникам. Которым оставалось всего ничего до увольнения.

Отец улыбнулся той жесткой улыбкой, которую они все не раз видели.

– Значит, это дает тебе определенную перспективу относительно того, кто будет финансовым директором объединенной компании.

Бродерик похолодел. Они собираются выбирать между ним и Гленной, и остаться должен только кто-то один.

– Надеюсь, ты не возражаешь против моей собаки. – Гленна наклонилась и погладила щенка хаски, который спокойно сидел перед ней. Потом подняла глаза и увидела, что Бродерик внимательно изучает ее с противоположного конца кабинета. В воздухе между ними висело напряжение.

– Ничуть. Как его зовут?

– Кота. Это от «Дакота». – Гленна отцепила поводок и стала внимательно наблюдать за щенком, который принялся обнюхивать предметы в комнате. Он с любопытством обнюхал кожаные ботинки Бродерика и остановился возле его кресла.

Бродерик откашлялся, встал, подошел к мини-бару и налил себе минеральной воды с газом. Это была вода из местного минерального источника. На мгновение Гленна встретила с ним глазами, и немедленно словно электрический разряд пробежал у нее по позвоночнику. Нужно держать себя в руках. Дело серьезное.

– Спасибо за понимание. Обычно днем он на попечении догситтера, но я все-таки хочу, чтобы он ко мне привыкал. – Она снова взъерошила черно-белую шерсть.

– Никаких проблем. Насколько я вижу, он вполне хорошо воспитан, – ответил Бродерик. Они до этого час кряду занимались исключительно финансами, а сейчас сделали перерыв.

Гленна не могла бы даже в страшном сне увидеть, что буквально за какие-то сутки Бродерик снова ворвется в ее жизнь, только теперь ей придется еще и вместе с ним работать. Но ее мать хотела, чтобы они вместе подготовили объединенный финансовый отчет по компаниям.

– Как прошла ваша семейная встреча? – Мягкий низкий голос Бродерика заставил тепло раскатиться по ее телу, словно глоток горячего пунша в морозный день.

Гленна перевела взгляд на собаку.

– Ну, это сложный вопрос. Я не уверена, что могу на него ответить в полной мере, с учетом того, что мы говорили по телефону. Мой брат не смог прилететь из-за погоды. Но на первый взгляд все было достаточно мирно.

– Но это хорошо, разве нет? – Бродерик наклонился к ней.

Гленна приподняла брови и пожала плечами:

– Я не стала бы этого утверждать. Буря может случиться позже.

И насколько она могла судить, это будет не просто буря, а настоящий шторм.

Стук кубиков льда заставил ее перевести взгляд на Бродерика, который наливал им обоим по стакану воды со льдом и лимоном. Закончив, он вынул из хрустальной пиалы остатки конфет и налил туда воды из графина – и Гленна не могла не оценить этот жест заботы о ее питомце.

– Старший брат, Чарли, держался довольно спокойно – не в последнюю очередь благодаря его жене. А про Тристана сложно сказать – он суровый, но довольно скрытный.

– А ваша младшая сестра? – Бродерик поставил стаканы и пиалу на поднос и отправился с ними к столу, где они сидели. Это была не столько деловая зона, сколько зона для отдыха – и, на вкус Гленны, здесь было тесновато для них двоих.

– Алайна всегда старается сохранить мир. Так что пока я не посмотрю ей в глаза, я не могу быть ни в чем уверена. – Гленна, потянувшись за стаканом, случайно коснулась руки Бродерика, и по ее телу словно рассыпались искры. Она торопливо отхлебнула, чтобы слегка успокоиться. – Спасибо.

– Я заказал еду, ее скоро принесут. Но если ты очень проголодалась, в мини-баре есть батончики мюсли...

– Ничего, я подожду.

– У нас впереди долгая ночь.

Гленна взглядела в его лицо в поисках скрытого смысла, но он был предельно серьезен; той игривости, с которой он на днях заявился в ее кабинет, и след простыл. Она воткнула карандаш в узел волос на затылке.

– Я не понимаю, как нам быть. Как мы можем работать вместе и при этом защищать интересы обеих компаний?

– Возможно, теперь уже одной. – Бродерик наклонился и поставил перед собакой пиалу с водой.

– Я не понимаю, как убедить сотрудников доверять друг другу после десятилетий вражды и договоров о неразглашении. Я даже не понимаю, как мы сами с этим справимся!

– Я не уверен, что у нас есть выбор.

Повисла тишина, нарушаемая только звуками того, как Кота лакает воду, и стуком ледяного дождя по стеклам.

Гленна побарабанила пальцами по крышке ноутбука, не уверенная, сколько информации раскрывать, вне зависимости от того, что говорила мать. Но Джинни и Джеку нужно убедить совет директоров в том, что в этом есть смысл, а значит, Гленна и Бродерик должны работать вместе.

– А как прошло ваше собрание?

– Все были в шоке.

Гленна опустила крышку ноутбука и откинулась в кресле.

– Никто не торопится с поздравлениями, да?

– Все пока переваривают.

– Через час после объявления новостей невестка и младшая сестра начали рассылать всем сообщения с предложением устроить вечеринку для женской части обеих семей, чтобы отпраздновать. Чувствую себя очень неловко из-за того, что не принимаю в этом участия.

– Но они-то не занимаются компанией столько, сколько ты.

– Не напоминай. Я просто болезненно воспринимаю происшедшее. Но моя мать взрослый человек и имеет право на собственную жизнь. Просто тяжело так быстро забыть о том, как мои родители всю жизнь ругали твоего отца за его бизнес-стратегию.

Бродерик крутил в руках карандаш, ритмично постукивая им по краю стола.

– Бизнес-стратегию? И что же конкретно не так с нашей бизнес-стратегией?

– Я не пытаюсь с тобой поругаться, – чуть громче, чем следовало, сказала Гленна, и щенок беспокойно шевельнулся и заскулил. – Но нам придется теперь это разгрести.

– Нет. Нам нужно просто придумать относительно приличный план объединения компаний, чтобы скормить его совету директоров. Слить активы, по возможности сохранив рабочие места.

Гленна щелкнула пальцами, подзывая собаку.

– И не вылететь из конкурса на трубопровод.

Он продолжил ее мысль.

– Который нужно построить максимально быстро, и при этом он должен перекачивать больше нефти и быть хорошо защищен от протечек и аварий. Это вопрос сохранения нашей земли.

– Да, конечно. – Гленна погладила собаку, успокаиваясь.

Спокойствие ей бы сейчас не помешало. Она была заперта в замкнутом пространстве с Бродериком, ощущая запах его одеколона и крема после бритья. Ее тело стремилось к нему, но ее интеллект восставал против этого.

Гленна продолжала любить своего покойного мужа. Она всегда любила его, даже несмотря на все ссоры и на то, как много им пришлось работать над своими отношениями. И при этом здесь и сейчас ее тело жаждало близости. С Бродериком.

Она вздохнула и ощутила, как ее тело вздрогнуло, снова почувствовав его запах.

– А ты когда-нибудь хотел чего-нибудь... большего? Чем карьера, компания? – спросила она.

– Нет, – мгновенно ответил он. – Ты хочешь сказать, что ты хотела? И чего же?

Ей кажется, или он действительно понизил голос до интимного тона? Они посмотрели друг другу в глаза, и Гленна покраснела. Ее сердце застучало быстрее, но она постаралась сохранить спокойствие и профессиональную отстраненность.

– Ну уж нет, даже не начинай! – произнесла она. «Руки прочь от Бродерика Стила», – напомнила она самой себе.

– Но почему нет? – задумчиво произнес он, словно не заигрывая с ней, а разрешая некую загадку. – Берлинская стена пала.

Что-то в его голосе заставило Гленну практически испугаться. И захотеть его еще сильнее.

– Нет, нет, перестань! Сейчас это может все усложнить еще больше, чем раньше.

– Разве? – Он лукаво улыбнулся, и на его щеках появились ямочки.

– А ты сам не понимаешь? – Она опустила глаза, притворяясь, что рассматривает его ботинки. – Зачем добавлять напряжения в и без того напряженную ситуацию. Мы же уже не студенты, которые слишком много выпили на вечеринке.

– Ты права. Мы больше не бунтующие дети. Мы – взрослые люди, которые прекрасно понимают, что происходит. Наши родители женятся, и нам придется по несколько раз в год

сидеть за одним столом. – Он наклонился к ней через стол, и его голос стал совсем низким: – Но на Рождество хотя бы есть омела¹.

Его слова парадоксальным образом привели к тому, что эмоции Гленны успокоились. То, о чем он говорил, было слишком... домашним.

– Не смешно. Ты, конечно, соблазнителен как черт, и меня влечет к тебе, но я уже достаточно потеряла. И я не собираюсь ради тебя рисковать одновременно семьей и работой.

– Мне приятно слышать, что мое влечение взаимно. – Он положил свои пальцы поверх ее на загривок ее собаки.

– Но, как я уже говорила, ты достаточно умен. Ты не мог не понимать. – Она на мгновение сжала его руку и затем убрала ладонь.

¹ Рождественская традиция – в дверном проеме вешают омелу, и человека, который под ней стоит, можно поцеловать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.